

УДК 811.512.1
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-43-54

ТУВИНСКИЙ И ЯКУТСКИЙ ЯЗЫКИ: ПОИСК ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Н. Н. Широбокова¹, **Б. Ч. Ооржак**²

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия*

Аннотация

Тюркоязычный сибирский ареал по-разному рассматривается тюркологами. Для одних это результат схождения языков, относящихся к разным классификационным группам и формирующим общие черты в результате длительных контактов. Согласно другой точке зрения, развитие этих языков представляется традиционно в форме дерева. В классификации О. А. Мудрака на одной ветви дерева расположены якутский, тувинский и тофаларский языки, которые расходятся после их общего развития в течение более 200 лет. В статье рассматриваются одно из фонетических соответствий, относящееся к раннему периоду их общности, и ряд глагольных форм, отражающих разные этапы их взаимодействия.

Ключевые слова

тюркские языки, тувинский, якутский, фонетические, грамматические соответствия, реконструкция, фарингализация, причастие

Для цитирования

Широбокова Н. Н., Ооржак Б. Ч. Тувинский и якутский языки: поиск фонетических и грамматических соответствий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 43–54. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-43-54

Tuvan and Yakut Languages: Search for Phonetic and Grammatical Correspondences

N. N. Shirobokova¹, **B. Ch. Oorzhak**²

¹ *Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Tuva State University
Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

In various classifications, the relations between Siberian Turkic languages are defined in different ways: according to some researchers, these relations are a result of convergence of Turkic groups of varying genesis on Sayan-Altai. Other view the development of Siberian Turkic languages as a 'tree'; this concept is found in comparative Turkic grammars. On the basis of this concept, we analyze the relations between the Yakut, Tuvan, and Tof languages, which are viewed as a branch of the Siberian Turkic tree in the *Historical and Comparative Grammar of Turkic Languages*. In this article, we study the formation of the opposition of voiced consonants. We believe that in Tuvan, and especially in Tof, the ancient triple opposition of voiced consonants is preserved. The system of correlations between the qualities of vowels and consonants in Tuvan and Yakut suggests that in Yakut, there used to be a broader system of voiced consonants. The qualities of preceding vowels depended on consonant qualities (strong/weak), and in Yakut, they became stable (as long / short vowels). In Yakut, short vowels correspond to Tuvan pharyngealized vowels, and the presence or absence of pharyngealization depends on the qualities of consonants. In Yakut, consonant qualities

were transferred to vowel qualities, and at a certain point, the system of consonants became more simplified, but the ancient triple opposition of consonants may be reconstructed for the Yakut language on the basis of Tuvan and Tof. We also analyze the system of participles and finite forms based on them. In Yakut, the ancient participle forms are mostly preserved, while in Tuvan, they exist at the periphery of the verb system. In Tuvan, there are strong traces of Kipchak languages; for example, the most typical Kipchak affix *=ган* is completely absent in Yakut. Therefore, we may see that different language levels (phonetic and morphological) develop with varying speed. In Yakut, the phonetic system evolved rapidly, while the morphological system preserved the most important Ancient Turkic forms; in Tuvan, some aspects of the ancient consonant system were preserved, while the system of participles changed in significant ways, absorbing the *=ган* form.

Keywords

Turkic languages, Tuvan, Yakut, phonetic, grammatical correspondences, reconstruction, pharyngization, participle

For citation

Shirobokova N. N., Oorzhak B. Ch. Tuvan and Yakut Languages: Search for Phonetic and Grammatical Correspondences. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 9: Philology, p. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-43-54

Некогда существовавшая близость якутского и тувинского языков, а также их поздние контакты разного характера между собой и с другими сибирскими как родственными тюркскими языками, так и неродственными монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, в разной степени, отразились в устройстве их языковых систем, наследием чего являются обнаруживаемые в тувинском и якутском языках немногочисленные, но последовательно проявляющиеся системные соответствия.

Сопоставление в области фонетики показывает, что на синхронном уровне между этими языками существует значительное различие явлений, используемых для построения классификаций тюркских языков.

1. Оппозиции шумных согласных в анлауте. В тувинском и тофаларском анлауте представлена оппозиция *б-* и *п-*, *д-* и *т-*. В якутском в анлауте употребляется звонкий *б-*, а *п-* используется в заимствованиях и в небольшом количестве звукоподражательных и образных слов. Слов со звонким *д-* в анлауте более 200, но это заимствования (за очень небольшим исключением) из монгольских и русского языков.

2. Краткие гласные якутского языка соответствуют тувинским фарингализованным.

3. Последовательное выпадение сверхслабых в инлауте и ауслауте в якутском, в тувинском этот процесс наблюдается преимущественно в инлауте в интервокальной позиции.

Но в некоторых классификациях якутский и тувинский с тофаларским оказываются на одной ветви сибирского классификационного дерева. Схемы распада тюркского праязыка [СИГТЯ, 2002. С. 733] возводят якутский и тувинский с тофским непосредственно к общетюркскому. Остальные тюркские языки Сибири возводятся к «центральной общности», которая, в свою очередь, возводится к общетюркской. Тюркские языки Сибири в разной степени могут сохранять древние черты, особенности более поздней общности и систему инноваций. Якутский сохранил некоторые древние особенности как в системе фонологии, так и в морфологии. При сопоставлении этих явлений с соответствующими формами в тувинском и тофаларском, видно, что для якутской фонетической системы можно восстановить состояние, близкое к пратюркскому, с тройной оппозицией согласных [Широбокова, 2005. С. 104–106]. Звуковая система якутского языка значительно перестроилась, сближаясь по ряду признаков с древнетюркской и кыпчакской, а в тувинском и в тофаларском языках сохраняется оппозиция сильных и слабых согласных. В тувинском оппозиция сильных и слабых согласных сохраняется только в анлауте у губных и переднеязычных смычных шумных, в других позициях смыслоразличительная нагрузка перешла на фарингализованный гласный. Тувинские фарингализованные последовательно совпадают с якутскими и туркменскими краткими. Существовавшее различие в качестве согласных (оппозиция по степени напряженности) отразилось на качестве гласных, предшествующих этим согласным [Щербак, 1970. С. 42–46].

Тувинская система согласных при всех изменениях ближе к исходной реконструируемой древней системе имевшей тройную оппозицию по степени напряженности, фарингализация

возникла при передаче «чистым» гласным сильной артикуляции последующих сильных согласных, которые перешли в категорию слабых [Иллич-Свитыч, 1971. С. 55]. В якутском языке (переход качества согласного на гласный) привел к упрощению системы согласных, исчезновению у шумных тройной оппозиции согласных. Данные тувинского и тофаларского языка (наличие закономерного соответствия тувинских фарингализованных с якутскими краткими и якутских долгих с тувинскими нефарингализованными) позволяет восстановить для древнеякутского систему с тройной оппозицией шумных.

В сфере глагола тувинский и якутский языки обнаруживают наличие ряда древних причастных форм, из которых только в глагольной парадигме якутского, тувинского и тофского языков есть формы, восходящие к причастиям $=mi\dot{s}$ / $=bi\dot{s}$, которые употреблялись в древних орхонских и уйгурских памятниках и сохранились в языках огузской группы. В якутском это форма на $=быт$, очень активная, на ее основе образуются 4 временных показателя, используется как временная, атрибутивная и как сказуемое зависимого предложения. В тувинском и тофском выделяются формы на $=бышаан$ / $=бышаанга$. В этих формах вычленяется общий с якутской формой на $=быт$ первый компонент $=быш$. В других сибирских тюркских языках древняя форма $=mi\dot{s}$ сохранилась в отдельных застывших словообразовательных формах. В речи монгольских тувинцев – ценгельском говоре алтайского диалекта тувинского языка, форма на $=мыш$ функционирует тоже как словообразовательный аффикс, который придает глагольным основам значение ‘подражать, поступать аналогично’: $ырла=мыш=та=ар$ ‘якобы петь, подражать пению’, $бичи=мыш=тэ=эр$ ‘делать вид, что пишет’ [Хийс, 2008. С. 13].

В системе глагола современного якутского языка форма на $=быт$ является основной формой, активно функционирующей как причастие и как форма финитного глагола [Коркина, 1979. С. 75, 81, 97, 124, 131; Филиппов, 2014. С. 270, 281]. На ее базе в темпорально-модальной системе образован ряд форм: преждепрошедшего, прошедшего результативного, прошедшего эпизодического, давнопрошедшего, давнопрошедшего эпизодического времени, а также она входит в состав аналитического показателя сослагательного наклонения [Коркина, 1979. С. 75, 81, 97, 124, 131] (см. таблицу).

В противоположность этому, тувинская форма на $=бышаан$ функционирует на периферии глагольной системы и не является основной. В ее семантической структуре присутствует сема длительности во времени – выражает действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи, которая проявляется во всех ее функциях: инфинитных и финитных.

Традиционно форму на $=бышаан$ принято квалифицировать как деепричастие и форму времени [Исхаков, Пальмбах, 1961. С. 336, 379]. Как деепричастие она выражает образ действия (1), как показатель абсолютного времени и член видо-временной парадигмы она передает (2):

(1) *Бис сүмелештишаан ажылдап кириптивис.*

бис=Ø	сүме=ле=ш=пишаан	{ажыл=да=п	кир=ипт=ивис}
мы=NOM	совет=VBLZ=REC=CV	{работа=VBLZ=CV	AUX=PFV1PL}

‘Мы, советуясь между собой, взялись за работу.’

(2) *Авам школада ажылдавышаан.*

ава=м=Ø	школа=да	ажыл=да=вышаан
мать=POSS/1SG=NOM	школа=LOC	работа=VBLZ=PR-PAST/3SG

‘Моя мать все еще работает в школе.’

Наиболее активно проявляются ее исторические причастные свойства: используется в качестве связки частей моносубъектной полипредикативной конструкции (3), в составе аналитической формы участвует в образовании относительного времени, которое, как правило, получает реализацию на уровне разносубъектных полипредикативных конструкций (4), реже в моносубъектных конструкциях, если субъектом выступает первое лицо, которое не контролирует свои действия и ситуацию (5):

(3) *Башкы школада ажылдавышаан, кежээлерде тускай кичээлдер база эрттирин турар.*

башкы=Ø школа=да ажыл=да=вышаан кежээ=лер=де
 учитель=NOM школа=LOC работа=VBLZ=P вечер=PL=LOC
 тускай кичээлдер=Ø база {эрт=тир=ип тур=ар}
 частный урок=NOM также {проводить=CAUS=CV AUX=PRES/3SG}
 ‘Учитель, работая в школе, по вечерам дает также частные уроки.’

(4) *Чедип кээримге, уруум удувушаан чыдыр.*

{чед=ип кэ=эр=им=ге} уру=ум=Ø
 {достигать=CV AUX=PART=POSS/1SG=DAT} ребенок=POSS.1SG=NOM
 {уду=вушаан чыд=ыр}
 {спать=P AUX=PR/3SG}
 ‘Когда я пришла, мой ребенок все еще спал.’

(5) *Оттуп кээримге, хүн шагда өрүлээн, а мен удувушаан чыдыр мен.*

{отт=уп кээримге} хүн=Ø шагда
 {просыпаться=CV AUX=PART=POSS/1SG=DAT} солнце=NOM давно
 өрүлэ=эн а мен=Ø {уду=вушаан чыд=ыр} мен
 подниматься=PASTa я=NOM {спать=P AUX=PR} 1SG
 ‘Когда я проснулся, оказалось, солнце давно поднялось, а я все еще спал.’

Следы ее причастного происхождения наблюдаются также в употреблении со словами *кижи* ‘человек’, *улус* ‘люди’, *чүве* ‘вещь, предмет; действие, событие’, указывающими одновременно на субъект и вносящими в высказывание модальное значение полной достоверности. Наиболее грамматикализованным в этом ряду является *чүве* ‘вещь, предмет; действие, событие’ (см. об этом подробнее в [Монгуш, 1983. С. 12–35]).

(6) *Акым хоорайда ажылдавышаан кижги*

акым=Ø хоорай=да ажыл=да=вышаан кижги=Ø
 брат=NOM город=LOC работа=VBLZ=PART человек=NOM
 ‘Мой брат все еще работает в городе (букв. мой брат – человек, который все еще работает в городе)’.

Другая форма, присущая и якутскому, и тувинскому, но в разной степени активности употребления, – это форма на =*дук*. Она регулярно выступает в роли причастия и сослагательного наклонения в якутском языке [Коркина, 1979. С. 262], тогда как в тувинском она входит в застывшее образование *эртик*, восходящее к сочетанию древнего глагола *эр*¹ с формой на =*дук* (7). В современном тувинском языке она употребляется наряду с аналитической формой более позднего происхождения на =*ар ийик* (<=*r e=juk*) как показатель сослагательного наклонения, но сравнительно с меньшей частотностью употребления. Следы формы на =*дук* не обнаруживаются в тофском языке, там она уступила место древнейгуурской форме на =*жук*, послужившей основой для образования тувино-тофско-хакасской формы на =*чык*.

(6) [Буруулуг болдувус көрөм, Аайна. Сээн чедип келириңни билбээн-дир бис.] *Оон башка шагда-ла белен тургай эртик бис* (КК, АТ, 30).

оон.башка шагда=ла {белен AUX=COND-CON} бис
 а.то давно=PTCL {готовый тур=гай.эртик} 1PL

‘Извини нас, пожалуйста, Аайна. Мы не знали, что ты придешь. [А то были бы давно уже готовы]’.

¹ В современном тувинском языке древний глагол *э* / *эр* ‘быть’ сохранился лишь в составе частиц *эртик*, *ийик*. В последней компоненте =*йик* определяется как древнейгуурская форма на =*жук*.

Рефлексы древних глагольных форм и их функции в современных сибирских тюркских языках
 Reflexes of ancient verb forms and their functions in modern Siberian Turkic languages

Язык-источник	Глагольный показатель	Якутский язык	Тувинский язык	Другие сибирские тюркские языки
Общетюркский фонд	1) =r	Прич. =ap	Прич. =ap	Прич. хак. =ap, шор. =ap, алт. =ap
		Наст.-буд. (3 л.) =ap	Буд. =ap	Буд. хак. =ap, шор. =ap, алт. =ap
		Прош. незак. =ap этэ Долж. =ардаах	Долж. =ap ужурлуг	Долж. алт. =ap учурлу (бол=)
	2) =dy	Недавнопрош., определ., категорич. =m	Прош. очевидн. =ды	Недавнопрош., категорич., очевидн. =ды
Орхонский тюркский	1) =mɯʃ (* =biʃ)	Прич. =быт; =быттаах	Следы прич. =бышаан	Прош.-наст. =бышаанга
		Преждепрош. =быт+афф. сказ.	Прош.-наст. =бышаан	Сопроводительное деепр. =бышаанга
		Прош. результ. =быт+афф. принадл.	Сопроводительное деепр. =бышаан	
		Прош. эпизод. =быт+=лаах+афф. сказ.; =быт+афф. принадл. + Баар		
		Давнопрош. =быт+этэ		
		Давнопрош. эпизод. =быт+таах+этэ		
	Сослаг. =ых эбит			
	2) =dyq	Прич. =тах	Сослаг. накл. =гай эртик	—
		Предпол. накл. =тах		
	3) =sar	Нефинитная форма: усл. =таp	Нефинитная форма: усл. =са	Нефинитная форма: усл. тоф., хак., шор, алт. =са
Финитная форма жел. =таp		Финитная форма жел. =са	Финитная форма: жел. =са: тоф., хак., шор, алт.	

Окончание таблицы

Язык-источник	Глагольный показатель	Якутский язык	Тувинский язык	Другие сибирские тюркские языки	
Древне-уйгурский	1) = <i>yui</i>	Буд. время = <i>ыах</i>	Возм. = <i>гы дег</i>	Возм., необх., предпол. хак. = <i>гадаг</i> , шор. = <i>гадаг</i> , алт. = <i>гадый</i>	
		Должен. = <i>ыах тустаах</i>			
		Сослаг. = <i>ыах этэ</i> , = <i>ыах эбит</i>			
	2) = <i>yuluk</i>	Должен. накл. = <i>ыахтаах</i>	–	–	
	3) = <i>yui + elek</i>		Прич. = <i>галак</i>	Буд. ожид. время = <i>галак</i>	Прич. несов. действ. алт. = <i>калак</i> , хак. = <i>халах</i> , шор. = <i>калак</i> , чулым. и бараб. татар = <i>калак</i>
	4) = <i>gaj</i>	Возм. = <i>аайа</i>	Необх. накл. = <i>гай</i>	Жел. тоф., хак., шор, алт. = <i>гай</i>	
5) = <i>gačči</i>	Прич. = <i>ааччы</i>	Имя сущ. (наименование деятеля), имя прил. = <i>аачы</i>	Имя сущ. (наименование деятеля), имя прил. хак., шор., кирг. = <i>ааччы</i>		
	Накл. обычно совершающегося действия = <i>ааччы</i>				
6) = <i>juk</i>		1) Прош. = <i>чык</i> 2) Частица = <i>ийик</i>	Тоф., хак. прош. = <i>чык</i> /= <i>чых</i>		
Др. кыргыз.		–	1) прич. = <i>ган</i> ; 2) прош. = <i>ган</i> .	Алт., хак., шор. 1) прич. = <i>ган</i> ; 2) прош. = <i>ган</i> ; 3) прич. = <i>чатхан</i> ; 4) прич. = <i>атан</i>	
	причастие <i>-а илик_</i>				
	Накл. несов. действ. = <i>а илик</i> Пр. Вр. накл. несов. действ. = <i>а илик этим</i>		–	киргиз. = <i>а елек</i>	

Орхонская форма условия на *=sar* в фонетически измененной форме *=tar* употребляется только в якутском языке. Якутской форме на *=tar* в тувинском и в других южносибирских тюркских языках соответствует форма на *=sa*. Они выступают в современных языках функционально и семантически как аналогичные: в инфинитной функции выражают значение условия, в финитной – значения желания [Коркина, 1970. С. 179–180; Кызласова, 2010. С. 121]; желания и мягкого побуждения [ГСАЯ, 2017. С. 338; Ооржак, 2018. С. 362; Тазранова, 2019. С. 67–68]. Такая связанность функций и значений была присуща, как отмечают исследователи, формам на *=sar* и *=sa* еще в древний период [СИГТЯ, 1988. С. 340–343].

В якутском языке функционируют формы, восходящие к древнеуйгурской форме причастия на *=ui*. Это форма на *=ya*, *=yah*, чрезвычайно активная в модально-временной системе. Она выступает как форма причастия и основная форма будущего времени. Кроме того, она служит основой для выражения целого ряда модальных значений в составе вторичных форм и аналитических конструкций: *=yah тустаах*, *=yah этэ*, *=yah эбит*, *=yahтаах* [Коркина, 1970. С. 257].

В тувинском (как и в других южносибирских тюркских языках) основным показателем будущего времени является общетюркская форма на *=ar*. В якутском языке в функции причастия она участвует в образовании аналитической формы прошедшего незаконченного времени на *=ar этэ* и формы долженствовательного наклонения на *=ардаах*, как и форма *=yahтаах*. Эти формы синонимичны и свидетельствуют о возможном раннем параллельном использовании в якутском языке, формы на *=ar* в значении будущего, которую в современном языке полностью заменила форма на *=yah*. И структура этих форм предстает как причастия будущего времени на *=yah / =ar* + аффикс обладания на *=даах / =таах* (см. об этом в [Коркина, 1970. С. 207; Филиппов, 2014. С. 378, 381]). Древнеуйгурская форма на *=yuluk* выражала значение необходимости и долженствования.

В тувинском и южносибирских тюркских языках древняя форма на *=ui* выступает в связанном виде: в сочетании с послелогом *teg* (*дег*, *дай*, *дый*) – в формах на *=гы дег / =гадай / =гадый* и в качестве первого элемента в структуре формы на *=галак / =калак / =халах* (*<=ui + elek*) [Щербак, 1981. С. 178]. С послелогом *teg* (*дег*, *дай*, *дый*) форма на *=ui* функционирует как форма причастия и показатель модальности возможности, необходимости, предположения [Карпов, 1975. С. 198; Рассадин, 1978. С. 165; ГСАЯ, 2017. С. 352], «модальности кажимости» [Кызласова, 2010. С. 135]. При этом в тувинском и тофском языках сохраняется аналитизм (*=гы дег*, *=гы дэг*), в других же южносибирских тюркских языках произошла синтезация (хак. *=гадаг*, шор. *=гадаг*, алт. *=гадый*).

Если первым компонентом в формах на *=галак / =калак / =халах* в южносибирских тюркских языках определяется показатель древнего причастия на *=gu*, а в якутском и киргизском языках – причастие на *=a* [Щербак, 1981. С. 178; Насилов, 2000. С. 59]; то компонентом, как большинство исследователей считает, является частица *элек / илик*, возникшая из сочетания усилительной частицы *эле / -ле* и отрицания *йок* [Насилов, 2000. С. 59; Широбокова, 2001. С. 231]. Отсюда имеем структуру *=gu + элек / илик > =гулек > =галак* и *=a элек / илик* [Монгуш, 1959. С. 90].

Таким образом, формы на *=галак / =калак / =халах* и *=a илик* структурно совпадают, выступают с близкими значениями в южносибирских тюркских языках и якутском языке. За пределами кроме киргизского языка (*=a элек*) такая форма функционирует в отдельных говорах татарского и башкирского языков [Дыренкова, 1940. С. 153; ГСАЯ, 2017. С. 390; Карпов, 1975. С. 220; Коркина, 1970. С. 258; Юсупов, 1985. С. 39]. В тофском языке она была утеряна [Рассадин, 1978. С. 275]. Эту форму не знают и носители северо-восточного диалекта тувинского языка, носители которого проживают ближе к тофаларам, тогда как носители центрального и западного диалектов хотя и редко, но употребляют эту форму.

В настоящее время в современной речи форма на *=галак* практически не используется, встречаются редкие примеры в художественной литературе. В тувинском языкознании она определяется как причастие и один из показателей будущего времени [Монгуш, 1959. С. 90].

По опросам носителей хакасского и шорского языков, форма на =калак / =халах употребляется достаточно регулярно. В алтайском языке она все более часто употребляется в финитной функции и реже выступает как причастие [ГСАЯ, 2017. С. 390–391]. Функционально шире, чем в южносибирских тюркских языках, в якутском языке выступает форма на =а илик: на основе этого причастия получило развитие особое наклонение – наклонение несовершившегося действия, которое репрезентирует действие как еще не совершившееся к моменту речи (=а илик), и действие, еще не совершившееся в определенный момент в прошлом (=а илик эти=) [Коркина, 1970. С. 247–249].

В якутском языке имеется форма на =аайа с модальным значением возможности. В тувинском языке форма на =гай определяется как форма наклонения необходимости. В других южносибирских тюркских языках – тофском, хакасском, шорском и алтайском, она является показателем желательного наклонения. Исследователями отмечается функционирование в древнейгуурском языке финитной формы на =га(ј) будущего времени с дополнительной семантикой категоричности [Насилов, 1963. С. 75–76], к которой, видимо, и восходят модальные формы =аайа и =гай в сибирских тюркских языках [Убрятова, 1985. С. 33].

В сибирских тюркских языках – хакасском, шорском и киргизском, выделяется форма со значением наименования деятеля на =аачы. В якутском языке форма на =ааччы является причастной формой и выполняет определительные (7) и предиктивные (8) функции:

(7) *Мас кerdээччи дьон кэлбиттерин туһунан сурах тарҕанна*

‘Распространилась весть о том, что приехали люди, которые рубят дрова (рубящие дрова люди)’ (пример взят из [Филиппов, 2014. С. 273]).

(8) *Хаар кыһын түһээччи*

‘Снег бывает (идет) зимой’ (пример взят из [Коркина, 1970. С. 226]).

Такая форма со значением обычно выполняемого действия, принимающая аффиксы сказуемости, была отмечена Е. И. Убрятовой в языке норильских долган [1985. С. 183–184]. Е. И. Коркиной [1970] в якутском языке выделено особое наклонение – наклонение обычно совершаемого действия на =ааччы (9) и =ааччык (10).

(9) *Мин ... ким үлэбэ дьобура суобун өтө билээччибин*

‘Я обычно сразу узнаю, кто не способен к работе’ [Коркина, 1970. С. 227].

(10) *Тылтан тыл төрөөн, кэпсээтэххэ уһаан-кэнээн барааччык*

‘Слово за словом, и если разговориться, разговор обычно затягивается’ [Коркина, 1970. С. 227].

Кроме того, якутский аффикс =ааччы очень активно функционирует как форма словообразования, обозначающее лицо действия в различных аспектах.

В тувинском языке форма на =ачы (=аачы) – аффикс словообразования. Присутствует всего в нескольких производных именных основах *бижээчи* ‘писарь; проф. пишущий; тот, кому присуще занятие писать’ в современном языке этот аффикс не продуктивен. Формы на =ааччы / =ааччык / =аачы восходят к древнейгуурской форме на =гаčči (<=гаč + =či).

Только в тувинском, тофском, хакасском и киргизском языках имеется финитная форма =чых / =чык (древняя уйгурская форма =juk), характеризующаяся признаками очевидности, достоверности и эмоциональной категоричности [Исхаков, Пальмбах, 1961. С. 376–378; Карпов, 1975. С. 221; Рассадин, 1978. С. 212, 213]. В якутском языке такая форма отсутствует. Но в структуре якутских форм утвердительного наклонения на =ыһык, =сык, =ааччык выделяется древнейгуурское причастие на =juk [Убрятова, 1985. С. 40–43].

Из всех рассмотренных глагольных форм в якутском, тувинском и других южносибирских тюркских языках наиболее полное соответствие имеют финитные формы на =т, =ды относящиеся к общетюркскому фонду. Они являются в этих языках наиболее употребительными формами плана прошедшего времени, обладающими дополнительно значениями оче-

видности и категоричности, а также часто характеризуются как несущие значение временной дистанции совершения действия – недавнопрошедшее время. Также можно отметить семантические и функциональные параллели форм *=tar* и *=sa*.

Во всех других случаях рассмотренные глагольные формы не имеют полных соответствий в плане семантики и выполняемых ими функций. Сопоставление глагольных форм тувинского и якутского языков с указанием на их языки-источники и привлечением данных других сибирских тюркских языков обобщены в таблице, из которой видно, что в якутском языке сохраняются и активно функционируют глагольные формы, связанные с древним языком орхонских и древнеуйгурских памятников. Это форма на *=быт*, давшая на своей основе целую серию вторичных форм индикатива; полифункциональные и полисемантические формы на *=тах* и *=тар*. Восходящие к древнеуйгурским формам глагольные показатели якутского языка широко функционируют в системе будущего времени (*=ыхах*) и косвенных наклонений. Такой же полифункциональной и частотной в языке является форма на *=а илик*, общая появившаяся под влиянием древнекиргизского языка.

В тувинском языке формы, которые связывают его с древними языками (орхонским тюркским и древнеуйгурским), сохраняются на периферии глагольной системы (*=бышаан*, *эртик*, *=чык*). Что касается формы на *=галак*, то она имеет более ограниченное употребление, чем в других южносибирских тюркских языках. Ее структурная и семантическая параллель в киргизском и якутском языках является более употребительной. Форма на *=ган*, являющаяся наследием древнего киргизского языка и занимающая одну из основных мест в глагольных системах тувинского и южносибирских тюркских языков отсутствует в якутском языке.

Принимая точку зрения Е. И. Убрятовой, что следы древних тюркских языков в современных тюркских языках Сибири отразились в разной степени и более поздние перекрывают более ранние. При синхронном анализе черты более ранних языков могут выявляться в меньшей степени, чем поздних, как следы древнетюркских морфологических форм в тувинском, перекрытые морфологическими формами кыпчакского типа. В то время как в якутском сохраняется морфологическая система, свойственная древнетюркским языкам (орхонскому и древнеуйгурскому), при перестройке по кыпчакскому типу консонантной системы.

В зависимости от своего развития тот или иной язык проявляет в разной степени следы древних языков, на основе которых или под влиянием которых они были образованы. В фонетической системе тувинский сохраняет более древнюю систему, а в области морфологии картина противоположная, более древняя система сохраняется в якутском языке.

Список литературы

- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 303 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971–1984.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., Наука, 1961. 471 с.
- Карпов В. Г. Грамматика хакасского языка. Глагол. М., 1975. С. 163–245.
- Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.
- Коркина Е. И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. Якутск, 1979. 94 с.
- Кызласова И. Л. Категория модальности в хакасском языке. Абакан, 2010. 152 с.
- Монгуш Д. А. О временных формах в тувинском языке // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. 7. С. 85–92.
- Монгуш Д. А. О служебных функциях слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1983. С. 12–35.
- Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М.: Вост. лит., 1963. 122 с.

- Насилов Д. М.** Заметка о форме на -калак в шорском языке // Чтения памяти Э. Ф. Чиспякова. Новокузнецк, 2000. С. 56–61.
- Ооржак Б. Ч.** Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 459 с.
- Рассадин В. И.** Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 288 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Газранова А. Р.** Форма на =3А в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 65–77.
- Убрятова Е. И.** Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // Историческая грамматика якутского языка: Учеб. пособие. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1985. С. 22–32.
- Филиппов Г. Г.** Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск, 2014. 607 с.
- Хийс Г.** Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 22 с.
- Широбокова Н. Н.** Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
- Широбокова Н. Н.** Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001.
- Щербак А. М.** Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с.
- Юсупов Ф. Ю.** Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1985. 320 с.

Список условных сокращений и обозначений

AUX – вспомогательный глагол, CAUS – каузатив, COND-CON – форма условно-сослагательного наклонения, CV – деепричастие, DAT – дательный падеж, LOC – местный падеж, NOM – именительный падеж, P – PART – причастие, PRES – форма настоящего времени, PR-PAST – настоящее-прошедшее время, PFV – завершённый вид, PL – множественное число, POSS – посессивность, PTCL – частица, REC – совместно-взаимный залог, SG – единственное число, VRBLZ – транспонирующий суффикс (имя → глагол), 1 – первое лицо, 3 – третье лицо.

References

- Dyrenkova N. P.** Grammatika oyrotskogo yazyka [Grammar of the Oyrot Language]. Moscow, Leningrad, 1940, 303 p. (in Russ.)
- Filippov G. G.** Prichastiya yakutskogo yazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funktsional'no-semanticheskoe issledovanie [The Participles of the Yakut Language: a Comprehensive Typological Functional-Semantic Study]. Yakutsk, 2014, 607 p. (in Russ.)
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 576 p. (in Russ.)
- Illich-Svitych V. M.** Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov [An Experimental Comparison of Nostratic Languages]. Moscow, 1971–1984. (in Russ.)
- Iskhakov F. G., Palmbakh A. A.** Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Tuvan Language. Phonetics and Morphology]. Moscow, Nauka, 1961, 471 p. (in Russ.)

- Karpov V. G.** Grammatika khakasskogo yazyka. Glagol [Grammar of the Khakass Language. Verb]. Moscow, 1975, p. 163–245. (in Russ.)
- Khiys G.** Osobennosti tuvinskoj rechi zHITELEI Tsengela [Features of Tuvan Speech by Tsengal Residents]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 2008, 22 p. (in Russ.)
- Korkina E. I.** Glagol'nye lichno-otnesennye modal'nye konstruksii v yakutskom yazyke [Personal Verbal Modal Constructions in the Yakut Language]. Yakutsk, 1979, 94 p. (in Russ.)
- Korkina E. I.** Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke [Verb Moods in the Yakut Language]. Moscow, Nauka, 1970, 308 p. (in Russ.)
- Kyzlasova I. L.** Kategoriya modal'nosti v khakasskom yazyke [Khakass Modality Category]. Abakan, 2010, 152 p. (in Russ.)
- Mongush D. A.** O sluzhebnykh funktsiyakh slov kizhi, ulus i chyve v tuvinskom yazyke [On the Service Functions of the Words kizhi, ulus, and chuve in the Tuvan Language]. In: Tyurkskie yazyki Sibiri [Türkic languages of Siberia]. An Academic Anthology. Novosibirsk, 1983, p. 12–35. (in Russ.)
- Mongush D. A.** O vremennykh formakh v tuvinskom yazyke [On Tense Forms in the Tuvan Language]. In: UZ TNIIYaLI [Scientific Notes TNIIYALI]. Kyzyl, 1959, iss. 7, p. 85–92. (in Russ.)
- Nasilov V. M.** Drevneuygurskiy yazyk [Old Uyghur language]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, 122 p. (in Russ.)
- Nasilov D. M.** Zametka o forme na -kalak v shorskom yazyke [Notes on the Form of -kalak in the Shor Language]. In: Chteniya pamyati E. F. Chispiyakova [Readings in Memory of E. F. Chispiyakova]. Novokuznetsk, 2000, p. 56–61. (in Russ.)
- Oorzhak B. Ch.** Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s t'urkskimi yazykami Sibiri) [The system of grammatical modality in the Tuvan language (in comparison with the Turkic languages of Siberia)]. Diss. dokt. philol. nauk. Novosibirsk, 2018, 459 p. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [Comparative Tofalar Morphology]. Moscow, Nauka, 1978, 288 p. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Ocherki sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov. Glagol [Essays on the Comparative morphology of Turkic Languages. The Verb]. Leningrad, Nauka, 1981, 183 p. (in Russ.)
- Shirobokova N. N.** Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Sibiri [Relations between Yakut and the Turkic Languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 268 p. (in Russ.)
- Shirobokova N. N.** Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma [Historical development of Yakut consonantism]. Novosibirsk, Nauka, 2001. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow, Nauka, 1988, 560 p. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Reconstructions]. Moscow, Nauka, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Tazranova A. R.** Form with = ZA in Altai. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 65–77. (in Russ.)
- Ubryatova E. I.** Sledy drevnikh tyurkskogo, uigurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh yazykakh Sibiri [Traces of the Ancient Turkic, Uyghur, and Kyrgyz Languages in Modern Languages of Siberia]. In: Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka [Historical Grammar of the Yakut Language]. Textbook. Yakutsk, Yakutsk State Uni. Press, 1985, p. 22–32. (in Russ.)

Yusupov F. Yu. Nelichnye formy glagola v dialektakh tatarskogo yazyka [Non-Personal Verb Forms in the Dialects of the Tatar Language]. Kazan, Kazan State Uni. Press, 1985, 320 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
23.05.2020*

Сведения об авторах

Широбоква Наталья Николаевна, доктор филологических наук, зав. сектором языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Shirobokova_nn@mail.ru

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, доктор филологических наук, Тувинский государственный университет (Кызыл, Россия)
oorzhak.baylak@mail.ru

Information about the Authors

Natalia N. Shirobokova, Doctor of Philological Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Shirobokova_nn@mail.ru

Baylak Ch. Oorzhak, Doctor of Philological Sciences, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation)
oorzhak.baylak@mail.ru